

Константин Похелайнен

Петрович и происшествие в
ресторане

16+

Константин Альбертович Похелайнен Петрович и происшествие в ресторане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314536

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ "Петрович и происшествие в ресторане" Константина Похелайнен, первый из серии ироничных историй о майоре "Петровиче" его "подопечного" бывшего мошенника Валабина по кличке "Волан", в которых они попадают в различные, порою абсурдные ситуации, выбраться из которых помогают смекалка "Петровича" и "профессиональный" опыт "Волана". В этот раз им не нужно распутывать "клубок" проблем и загадок, история сама разворачивается перед нашими глазами. В итоге самому читателю предстоит решить каков же истинный мотив главного героя.

Константин Похелайнен Петрович и происшествие в ресторане

Муха лениво ползла по окну, вроде и пытаясь пробиться на волю сквозь начищенное до блеска стекло, но в тоже время чувствовалось, что делает она это крайне неохотно. Изнывая от жары под прямыми лучами июльского солнца, она словно старалась отделаться от поставленной перед ней задачей. Наконец смирившись с безуспешностью попыток, муха последний раз ткнулась в стекло, затем, видимо, решила, что сделала все что могла, совесть у нее чиста и теперь она может «быть свободной». Все так же лениво и тяжело она оторвалась от окна и, сварливо жужжа, полетела в угол комнаты в тень шкафа, где должно быть решила отдохнуть и обдумать на досуге план нового побега.

Петрович, все это время наблюдавший за безуспешными попытками заключенной вырваться на свободу, язвительно усмехнулся: «Нет, дорогуша, просто так от нас не сбежать! Для вашего брата за форточкой есть сетка, а для заключенных покрупнее – железные решетки за окнами».

Но представление окончилось, и надо было занять себя чем-то другим. Петрович перевел взгляд на экран монито-

ра с разложенным там пасьянсом, потом на не разобранный грудой папок с делами на рабочем столе и грустно вздохнул: ни первое, ни тем более второе его совсем не прельщало: «Послеобеденное время, имею полное право на отдых».

Этот час после еды всегда томил его. Вроде бы можно и расслабиться, но, откинувшись в кресле и позволив себе десять минут сна, он мог провалиться в тяжелую дневную дремоту минут на сорок и потом битый час приходить в себя, тупо соображая, словно с похмелья, собирая мысли в кучу. А этого он не любил, Петрович всю жизнь старался подходить к работе ответственно.

В это момент он услышал в коридоре тихое шуршание с хорошо знакомым отрывистым сопением. Мгновенно встретившись, Петрович крикнул в приоткрытую дверь:

– Валабин!

Шуршание стало удаляться.

– Валабин, только не делай вид, что не слышишь! Мухой сюда! – крикнул он громче и, усмехнувшись этой фразе, посмотрел за шкаф, где в тени должна была отдыхать его крылатая затворница, которая, хоть и была связана своею сущностью с его последней фразой, впрочем, также не спешила предстать перед ним.

Наконец дверь приоткрылась, и некто, которого, видимо, звали Валабин, бочком, слегка позвякивая ведрами, протиснулся в кабинет:

– Заключение Валабин по вашему приказанию...

– Хорош уже, – прервал его Петрович. – Садись давай и не громыхай, поставь ведра.

Валабиин с готовностью уселся на краешек стула, ведро поставил рядом, швабру приставил к столу, затем, взглянув на Петровича, нерешительно взял ее в руки. Петрович внимательно посмотрел на него. Со шваброй, вертикально торчавшей в руках, тот был словно солдат на посту, державший ружье. Петрович усмехнулся. «Служил ли Валабин в армии? Да уж, тот из него еще солдат! Не помню, надо бы заглянуть в его дело». Он продолжал смотреть на Валабина своим оценивающим и, как ему казалось, пронзительным взглядом.

Тот все так же сидел на краешке стула с собачьей готовностью выслушать приказание начальства. Хотя, впрочем, глаз он не опускал и особого страха в них не было. Лет ему было около сорока, среднего роста, слегка склонный к полноте, но здешняя диета держала его в «хорошей форме», с проседью в волосах, которые, несмотря на короткую стрижку, были волнистыми, и при соответствующем росте и стрижке, в свое время, наверное, даже придавали ему вид актера из телесериалов.

Какой там киноактер, мелкий мошенник он. Статья 159. Заурядная личность – миллионнами «не ворочал». Но было у него одно замечательное свойство – знал он множество разных историй и рассказывал их не хуже любого актера (из их районного театра). Похоже, многое в жизни повидал. Или наслушался. Да и память, видимо, у него была не плохая.

– Слышь, Валабин?! – решил проверить его Петрович. – А ты знаешь, сколько ступенек на нашей центральной лестнице?

Тот посмотрел недоумевающе, затем, видно, до него дошло:

– Это типа как в «Шерлоке Холмсе»? Проверяешь меня, начальник?

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Петрович. – Холмса ты знаешь! Много книжек, что ли, в детстве читал?

– Нет, кино смотрел. А книжки люблю. Как там насчет библиотеки?

– Ты мне и без библиотеки уже по гроб жизни должен. Облегченные условия у тебя! Считаю, как в санатории на курорте живешь, только лечебных процедур не хватает. Смотри доиграешься!

– Да я в натуре при понятиях, добро помню начальник, за мной не заржавеет! Все, что только не поперек правил, чтобы перед братвой по чести. Ты же меня не первый год знаешь, пустой базар не сею...

– Хорош уже, – прервал его Петрович, – строишь тут вора бластного, фармазонщик ты стриженный! Давай на русский переходи. Я и так устал ваши малявы переводить! Еще шкрябают, понимаешь, на «огрызках» почеркушки, будто на докторов их всех учили.

– Да ты что, переводчиком меня припрячь хочешь?

– Шутка так себе, – поморщился Петрович. – Прекрас-

но знаешь, чего мне от тебя нужно. Видишь, у меня время законного отдыха. Давай организуй одну из своих историй, только не слишком длинную, у меня времени мало осталось.

– А-а, ну почесать языком мы всегда рады. Оно... это... как говорится, не мешки ворочать! – Валабин приставил швабру к столу и расслабленно откинулся на спинку стула. – Еще чайку бы мне, начальник, а то в горле пересохло.

Петрович налил в чашку кипятку из стоящего на столе чайника. Из стола вытащил заварочный пакетик, подтолкнул пачку сахара и ложку.

– Не, с сахаром не буду. А вот булочку бы к чаю?

Петрович молча вытащил пачку печенья и поставил ее на стол.

– Я уже и не знаю, кто у нас здесь кем командует, – пробурчал он.

Валабин взял пачку печенья, с кислой физиономией повертел ее в руках.

– Вот ты, Петрович, взрослый уже человек, а суешь в себя всякую гадость! У тебя ведь есть жена, теща, мама, слышал, жива и в здравии. Разве не могут они тебе напечь пирожков домашних или печенья?

– Да заняты они все, работают, их тоже пожалуйть надо.

– Вот когда потеряют мужика своего в расцвете лет, тогда поймут, кого жалеть надо было! Ты ешь эту химию, а потом жалуешься: «Гастрит у меня от вас, скоро язва будет!» Обедаеть черти чем, – Валабин показал на ведро с мусо-

ром у стола, из которого, словно поднимавшееся на дрожжах тесто, пытались выпрыгнуть две пачки быстрорастворимой лапши. – Лень до столовой дойти?

– Да знаю я, что это редкостная дрянь! – отмахнулся Петрович. – И жена мне ее покупать не разрешает. Но, понимаешь, нравится мне эта гадость! Вот и позволяю себе иногда на работе.

– Да, слабые мы, люди, немощные человеки, – вздохнул Валабин, доставая печенье. – От питания, Петрович, все хвори, ну или большая их часть. Ладно, спасу тебя на этот раз. Отравлюсь за тебя этой химией.

– А ты что, у нас из этих, ЗОЖ? – ухмыльнулся Петрович, гадая, знает ли Валабин значение этой аббревиатуры.

– Здоровый Образ Жизни, считаю, что это хорошо, но я не из фанатиков. А вам, Александр Петрович, должно быть стыдно, что ленитесь дойти до столовой! Для ваших там неплохо готовят. Стейк вагю конечно не попробуешь, но котлеты по-киевски очень даже не дурны.

– Что еще за стейк вагю?

– Э-э! Я, смотрю, Петрович ты совсем не разбираетесь в деликатесах! Стейк вагю – это знаменитая японская мраморная говядина! – воскликнул Валабин. – Хотя, действительно, где ты мог ее попробовать? Один кусок стоит пол твоей зарплаты! В таких заведениях, я думаю, тебе не случалось отобедать!

– А ты сам-то обедал? – поинтересовался Петрович.

– Ну было пару раз, – вздохнул в ответ Валабин. – Мне тоже особо не почину, даже когда при лавэ... Хотя, когда ты сидишь в таком ресторане с бутылочкой красного «Доманилерой» и сыром «Олд форд»... – Валабин, задумавшись, потянулся в кресле, видимо, предавшись сладким воспоминаниям... Но быстро опомнился и принял прежнюю позу «внимательной готовности», сидя на краешке кресла.

– Тоже мне гурман нашелся, ты сейчас в другом месте «сидишь», – Петрович усмехнулся своей шутке, повертел в руках пластиковую вилку из обеденного набора. – А вот мне нравится китайская лапша, – упрямо повторил он, словно школьник, пытавшийся что-то доказать старшим, а по сути самому себе. – Ну а если мне захочется побаловать себя, то возьму бутылочку немецкого пива, только если хорошая скидка в супермаркете.

– Да слышал я от пацанов, где разливают это «немецкое пиво» с хорошими скидками! – воскликнул Валабин, но тут же понял, что необдуманно вторгся на территорию чужих «сладких грез» и быстро попробовал «переобуться на ходу»: – Да, немецкое пиво – это хорошо! Но это бездонная тема для другого разговора! А сейчас давай-ка «нарисую» тебе какую-нибудь историю для хорошего пищеварения! – он закатил глаза к небу, словно перебирая папки с файлами в своей голове.

– Только что-нибудь новое и интересное!

– Все новые темы – это старые схемы под свежим со-

усом! – философски заметил Валабин. – Ну вот, например, назовем ее «история с педофилом»...

Петрович чуть с кресла не упал:

– Ты придурок! Это что, по-твоему, история для хорошего пищеварения?! Хочешь, чтобы меня тут, наоборот, стошнило?

– Ну хорошо, хорошо, ступил я начальник! – Валабин вытянул руки перед собой, махая ладонями, словно пытаясь успокоить и вернуть Петровича в прежнее положение. – Тогда пусть будет «история о воспитании». У тебя же есть дети, Петрович?

– Пацан Серега и младшая Оленька. А у тебя Валабин, по-моему, две дочери?

– Да! Так что для нас, начальник, эта история будет вполне уместна! Кстати, – Валабин красноречиво помахал рукою, – хорошая еда там тоже будет!

– Ладно, валяй, – устало вздохнул Петрович и приготовился слушать.

Июль, ранний московский вечер. Метрдотель дорогого столичного ресторана Лавр Ираклиевич, по обычаю стоя в углу у своего столика, внимательно осматривал зал. Посетителей было мало – впрочем, как и следовало для этого времени дня; основная публика начнет собираться позже.

У окна сидели две дамы: известная скандальная журналистка Латыгина со своей подругой – светской «львицей»

Анжеликой Войновской. Это постоянные клиентки. Лавр Ираклиевич был хорошо с ними знаком. Они были из той категория клиентов, которые не первый год посещают их заведение. Он хорошо знал их, обращался к ним по имени-отчеству, а они зачастую звали его просто – Лавр.

И вообще Лавр Ираклиевич мог бы похвастаться знакомством со многими известными людьми, а также не известными, но зачастую решающими судьбы своих соотечественников. Ведь их ресторан посещали не только и даже не столько «звезды», а по большей части люди, которые предпочитали, чтобы их личная жизнь не попадала «на свет»: министры, генералы, политики, дипломаты.

Большинство из них могли не знать по имени своих сотрудников, с которыми они работали на одном этаже много лет. А вот к Лавру Ираклиевичу обращались по имени-отчеству, уже на второй или третий раз посетив их в ресторан. А часто просто – Лавр и обязательно на вы. Эти господа, привыкшие командовать с утра до вечера, – что, впрочем, входило в их служебные обязанности, – заходя в зал непременно старались поздороваться с ним за руку: «Здравствуйте, Лавр». Он любил сам подойти к каждому столику, рассаживая гостей поудобнее. А они, изучая меню, словно приклоняли перед ним свою голову: «Что вы сегодня посоветуете, Лавр Ираклиевич?»

Он перевел взгляд дальше, осматривая зал. Ближе к угловой стенке сидел мужчина лет тридцати пяти с мальчишом

лет восьми. Наверное, отец с сыном. Мужчина склонился к мальчугану и, похоже, пытался заинтересовать его какой-то историей, но тот со скучающим видом ковырялся в фарфоровом блюде с мороженым, и по всему было видно, что он просто изнывает от этого мероприятия. «Наверное, в голове у него был футбол с друзьями, – подумал Лавр Ираклиевич. – Или, скорее всего, компьютерная игра с новым уровнем, который он собирался пройти сегодня вечером».

Такая категория посетителей была редкой для их заведения. «Видимо, папаша, выбирал место больше для себя, чем думая о сыне», – усмехнулся метрдотель. На столе у них стояла бутылка вина, аккуратно завернутая в белоснежную шелковую салфетку, недопитый бокал и какая-то закуска. Лавр Ираклиевич не уделил особого внимания этому гостю. У них он видел его в первый раз (хотя лицо его показалось ему знакомым) и решил, что Иваныч – официант, который обслуживал их столик, вполне с ними справится. Тем более раз отец решил посвятить время сыну, то не стоит влезать в их личные дела, нарушая ауру семейного вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.